
Обшарпанный футляр,
а в нём — аккордеон.
Потёртые меха
и клавиши живые...
У дома две сосны стоят,
как часовые,
А прежде здесь стоял сосновый
батальон.

Держу аккордеон,
как дочку на руках.
Меня учил играть
отец в белёной хате...
Отец мог умереть
от раны в медсанбате,
Но выжил, чтоб сейчас
остаться в дураках.

Какое дело мне
до медленно жующих
И прочих власть имущих,
обласканных судьбой,
Играй, аккордеон,
для непосильно пьющих!
И пусть они поют,
как мы поём с тобой.

ВETERАН

I.

Он был болен и знал, что умрёт.
Положив мою книгу на полку,
Вдруг сказал:
«Так нельзя про народ.
В писанине такой мало толку».

Я ему возражал, говорил,
Что традиции ставят препоны,
Что Мефодий забыт и Кирилл,
Что нет места в стихах
для иконы.

«Замолчи! — оборвал он.
— Шпана!
Что ты смыслишь!
Поэзия — это...»
И закашлялся.
И тишина.
И оставил меня без ответа.

II.

С ним можно было запросто
молчать.
Он никогда не задавал вопросы,
Когда я рвал рубаху сгоряча,
Роняя на пол пепел папиросы.
Он не писал ни песен, ни стихов.
С ним жили шавки:
Руфь и Недотрога.
За ним совсем не числилось
грехов.
Он говорил, что почитает Бога.
Он вытащил меня из пьяной
драки
И в спину подтолкнул:
«Беги, убьют...»
Он умер тихо, но его собаки
Заснуть всему кварталу не дают.

Я здесь не жил в блокаду —
После войны рождён.
Мне — ничего не надо.
Павшим — земной поклон.

Стали землёй винтовки.
Млеют в лесах соловьи.
Только — на «Пискарёвке»
Родственники мои...

Кончились коммунисты —
«Пятой колонне» салют!

На Украине фашисты
В бочки пустые бьют.

Мне — ничего не надо.
Господи, воля Твоя...
«Фрицы» мне — не камрады.
«Бандеровцы» — не друзья.

Не опускаюсь до злобы.
Бранных слов не скажу.
Ненависть — высшей пробы! —
Сыну в сердце вложу.

ВТОРАЯ УДАРНАЯ

...Шли болотами, лесами,
Бросив пушки и обозы,
Сапогами, сапогами
Наступая на берёзы.

Шаг. Ещё один. Осколок
Утонул в тепле шинели...
Хвоя — тысячи иголок!
Поднялись и улетели!

Оставляли не в окопах —
Зарывали в плащ-палатках
Мёртвых! Мёртвых!
Мёртвых! Мёртвых!
С документами в подкладках.

Бор Мясной. Скорей бы вечер.
Ни команды, ни патронов.
Доедают человечину
«Мессершмиты» и вороны...

Кто-то каркает в лесочке:
«Русс! Сдавайсь!

Накормим кашей!»

Где вы, лютики-цветочки?
Где вы, Оли и Наташи?

Ночь. Темно. Дотлел окурок...
Гимнастёрка! Китель! Тельник!
Из разбитой амбразуры
Сладковатый запах тленья...

В свете гаснущей ракеты
Рты, распяленные в крике!
Хлещут плети голых веток!
Блики! Блики! Блики! Блики!

И виновным, и невинным
Дарит смерть простые позы...
Но цветут на вражьих спинах
Штыковых отметин розы!

Подо льдом остывает вода.
Снегом заткана площадь пустая.
Разогнали чертей холода.
Даже ведьмы — и те не летают.

Лихозимье. А в доме зверьё
Распушило хвосты у камина.
Мудрость жизни диктует своё:
Кошка мирится с сукиным
сыном.

Отогрею нутро кипятком.
В небесах разгорится лампада.
И растает под языком
Предынфарктное слово —
БЛОКАДА.